

М.А.Колеров

РУССКИЕ «ИДЕЙНЫЕ СБОРНИКИ» КАК ТРАДИЦИЯ: К ВОПРОСУ О ЖАНРАХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ XIX—XX ВЕКОВ

Исследуется чрезвычайно развитый в русской политической и идеологической литературе конца XIX — начала XX веков, но до сих пор описанный в научной литературе лишь однажды, жанр «направленческих», партийных, общественно-политических «идейных сборников». Наиболее яркими примерами таких сборников являются известные «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918), но они — лишь верхняя часть айсберга целой традиции, описание которой должно начинаться с определения ядра и границ жанра, институционального характера этой формы политической активности в России.

Ключевые слова: «идейные сборники», политические и идеологические направления в русском освободительном движении XIX—XX веков, партийная борьба в СССР и эмиграции

Среди детально изученных институтов русской общественной мысли XIX—XX веков (кружков, университетов, духовных академий, журналов, газет, политических партий и научных обществ) **традиция общественно-политических «идейных» сборников — в отличие от сборников литературно-художественных** — подобна континенту, о котором осталось множество свидетельств, но который, однако, так и не заслужил достаточного отдельного описания¹. Сопредельные ему ландшафты снабжены картами и путеводителями, отдельные фрагменты его (например, сборник «Вехи») даже удостоились особого внимания исследователей, но единого горизонта — нет, и единая традиция не названа. Хотя в самом имени «идейных» сборников легко предположить их особую культурную и политическую роль, по крайней мере, подобную роли русских газет и журналов. Наивысшая точка развития традиции «идейных» сборников, ее расцвет и упадок приходится на период наибольшего влияния средств идейной мобилизации, идеологии вообще на общественное развитие России, когда рожденная в интеллектуальных кругах формула отзывалась новой социально-политической реальностью, — на 1900—1920-е годы. Этот период в развитии идей и служит предметом преимущественного рассмотрения для автора книги.

В науке описано лишь то, что находилось на периферии этой традиции в ее наивысшем развитии: литературно-художественные², научные³ и религиозно-философские⁴ сборники (альманахи), «идейный» смысл которых не был акцентирован в читательском восприятии. То же, что было центром и общим смыслом традиции — **проектирование и пропаганда «идейных» направлений** (в их политических, философских и литературных изводах) — до сих пор не получило целостного описания⁵. Первоначальная «инвентаризация» традиции «идейных» сборников, вычленение ее главного течения в кругу близких и переходных — цель этой книги.

Система **выработки, распространения и преемственности** русской мысли в конкретных исторических условиях XIX—XX веков, в условиях политической несвободы и перманентных социальных кризисов, являла собой не столько иерархию авторитетов и институтов «духовного производства», сколько непрерывную среду, **инфраструктуру идей**. Внимательное исследование этой инфраструктуры заставляет отказаться от выстраивания линейных генеалогий «наследств» и обнаруживает целую сеть взаимосвязей и факторов, не перекрещении которых росли «направления».

В идейном континууме XIX—XX веков опыт народнического «хождения в народ» непосредственно смыкался с толстовской религиозной пропагандой, славянофильский пафос исследования «народной жизни» — с университетским преподаванием марксистской политэкономии, а соловьевская публицистическая борьба против официального национализма — с массовым сектантским движением. И теперь уже трудно с уверенностью сказать, что больше — публицистика Н.К.Михайловского или проповедь Льва Толстого — повлияло на русский радикализм 1890-х годов; нелегальная большевистская газета «Искра» или легальные неопределенно-марксистские толстые журналы — на легитимацию социал-демократии; Киевская Духовная Академия, императорский Университет св. Владимира или частный кружок Г.И.Челпанова — на развитие религиозно-философской среды в Киеве 1900-х. В этой слитной инфраструктуре, например, академические институты выступали одновременно агентом государственного просвещения и субъектом политической оппозиции, а неакадемическая периодика — сферой общественной самоорганизации и главным инструментом идейной дискуссии. История общественных идей в России XIX—XX веков уже не может быть описана исходя только из условий «страдающей от цензуры» периодической печати или преследуемых полицией кружков по

¹ Первым и до сих пор единственным опытом такого описания остаётся указатель, составленный автором этих строк: [1]

² [2-5; 6, с. 48-64; 7, с. 257-294]. См. также: [8, с. 388-399].

³ [2, с. 309-313; 9, с. 186-190; 10, с. 285; 11, с. 372-407; 12, с. 179-183; 13, с. 203-204; 14-16].

⁴ [17].

⁵ Первая постановка этой задачи: [18, с. 46-47; 19-20] (переработанный свод этих исследований: [21-23]. Новые исследования автора по теме: [24-29].

изучению «Капитала». Новое знание исторического контекста требует исследования идейного влияния и таких «оплотов обскурантизма», как духовные академии⁶ и кружки религиозно-мистической самодеятельности⁷. В этом, более широком и точном, контексте каждое «направление» оказывается укоренённым во внешне всё более далеких интеллектуальных сферах, а исторический смысл его всё менее сводится к пропагандистским или мифологическим схемам. Русская мысль слишком хорошо владела инструментами мифотворчества, чтобы не использовать их для фальсификации собственной истории. И только археологическое восстановление её инфраструктуры, источников и механизмов, позволяет различить её нефальсифицированный смысл.

Инфраструктура идей русской мысли менее всего была обременена какой-либо миссией и менее всего имела дело с потенциальной аудиторией. Напротив, сами механизмы русского просвещения создавали простые шаблоны восприятия творимых идей. Русская мысль сама выбирала и создавала себе аудиторию, всем уровням ее интеллектуального качества отвечая гибкой системой влияния: получалось, что одновременно и примитивным «народным чтением», и социал-либеральными студиями интеллигентских кружков руководили активисты петербургского Комитета Грамотности; а редакцией журнала «Вопросы философии и психологии» и земской оппозицией — историк философии С.Н.Трубецкой. Благодаря государственному просвещению хорошо структурированные, прикладные и теоретические науки не испытывали недостатка в общественном признании — напротив, имели перед собой нераздельный, насыщенный интеллектуальными запросами раствор «общественности», готовый среагировать на почти любые обращенные к нему идейные импульсы. Почти любая идейная позиция могла без существенной конкуренции разворачивать свои применения во все области общественной и интеллектуальной жизни. П.Струве говорил, что в качественном терминологическом определении *in nuce* заключена научная теория. Перефразируя эти слова, можно сказать, что сама историческая инфраструктура русской мысли XIX—XX веков требовала от каждого акта идейного (нередко чисто «терминологического») самоопределения — целостной общественной теории. Связанные в узел, институты идейного творчества ставили перед своими деятелями весьма жесткое «задание» **энциклопедизма**: определения не только общего контура, общественного пафоса, но и набора актуальных вопросов, обязательных для идейного осмысления, актуальных ответов, обязательных для распространения.

Общественная мысль, имеющая перед собой столь жесткое «задание» и одновременно — столь слитную инфраструктуру, требовала для себя формы прикладного энциклопедизма. Заимствование формул из иностранной литературы или естественных наук, перенесение образов из сферы художественного творчества в общественную практику — все это само по себе еще не создавало идейных направлений. Производство идей прямо требовало соединения образцов, демонстрации горизонтов и применений, в которых общие идеи выступали бы в качестве «целостного мирозерцания», равно отвечающего на все «вопросы жизни»⁸ — требовало создания своеобразной **индустрии идей и целостных мирозерцаний**. Индустрия целостных мирозерцаний нуждалась в компактных манифестах, практических энциклопедиях, литературных инкубаторах идейной консолидации...

Ими и были «идейные» сборники, объединяющие статьи единомышленников авторов по главным общественным, политическим, экономическим (изредка — эстетическим) вопросам. Поводами к их появлению в печати становились крупные общественные события, юбилеи общественных деятелей и отвлеченные научные проблемы; еще чаще — непосредственная партийная или идеологическая потребность. Нередки были и соединения под одной обложкой научных текстов с художественными произведениями, репродукциями с работ известных художников (выступавшими не в качестве иллюстраций, а в качестве вклада художника в общий содержательный план). Все это не всегда позволяет нам безошибочно отличить обычные литературно-художественные или научные альманахи от их «идейных» аналогов. Но современный им читатель остро чувствовал разницу между сборником произведений популярных писателей, издание которого преследовало исключительно коммерческие цели, или «мемориалом»⁹, не выходящим за рамки события, — и сборником откликов общественно-интеллектуального движения на все существенные для него «вопросы жизни», свод образцов «идейной литературы», за которыми выростала тень «целостного мирозерцания». Сборник статей оказался весьма удобной, синтетической формой, позволяющей соблюсти и учесть корпоративные, рыночные, идейные и цензурные интересы.

Если сам жанр альманахов возник в русской литературно-издательской практике на рубеже XVIII—XIX веков, то формальная традиция «идейных» сборников восходит к первому их образцу — манифесту славянофилов «Московскому сборнику» (1852)¹⁰ (со статьями И.Киреевского и И.Аксакова, поэтическими

⁶ Резюме и ссылки на литературу см.: [30, с. 170-171].

⁷ [31-33].

⁸ «Вопросы жизни» (более редкий вариант: «запросы жизни») — принятое в русской публицистике конца XIX — начала XX веков обозначение «актуальных проблем социально-политической действительности» (об этом также: [34, с. 504-505]). См. применения формулы: [19; 35-36]. Также: «Вопросы философии и психологии» (журнал), «Вопросы Жизни» (журнал), «Вопросы дня» (журнал), «Вопросы религии» (сборники), «Запросы Жизни» (журнал), «Вопросы общественности» (сборник), «вопросы пола», «социальный вопрос», «вопросы мирозерцания», «аграрный вопрос».

⁹ См. литературные мемориалы, носящие, однако, яркий общественный характер: [37-39].

¹⁰ Новый «Московский сборник» С.Ф.Шарапов составил в 1887. «Московским сборником» в 1896 назвал книгу своих статей К.П.Победоносцев, прямо претендуя на проведение идейной ретроспективы к сборнику славянофилов. Готовя свой сборник как альтернативу интеллигентскому мирозерцанию, «веховцы» также ориентировались и на традицию славянофильского манифеста: одним из вариантов названия «Вех» было — «Московские думы» ([21, с. 293]).

опытами А.Хомякова и И.Аксакова, научными трудами С.Соловьева и И.Беляева). Славянофильская мысль не инициировала широкого общественного движения и не создала законченной «индустрии» идей, но созданная ею модель «идейных сборников» закрепились в общественной практике, благодаря славянофильскому просветительству С.Ф.Шарапова (составителю книг «Московский сборник»¹¹, «Русский Труд», «Теория государства у славянофилов»). Усилия Шарапова по формулированию (посредством сборников) целостной философско-политической программы славянофильства исторически совпали с инициативой создателей «Вопросов философии и психологии», сопроводивших дебют журнала сборником, тема которого — «о свободе воли» — стала центральной для общественно-философских поисков рубежа XIX и XX веков. «О свободе воли» создавал важный прецедент сборника как лаборатории идейной «индустрии»: в нем объявлялась программа будущих «Вопросов философии и психологии», столь же прецедентно сформулировавшая идейно-общественное задание: «Мы имеем свое национальное искусство, свою подлинную науку, но не имеем еще *своей самостоятельной философии*». Примечательно, что этот призыв к философии увенчивался весьма прозрачным (хотя и эзоповским) политическим призывом, словами Гегеля: «Не цепи делают раба, но рабское сознание»¹². Прямой политический смысл, казалось, самых абстрактных философских проблем еще не раз вызывал к жизни целые серии сборников-манифестов. Одновременно с этими идейными опытами интенсифицировалась и практика литературно-художественных альманахов, авторский состав которых к началу XX века все более зависел от требований идейно-художественной солидарности и литературной «партийности».

На рубеже XIX и XX веков А.Л.Волынский обратил внимание, что «журналы (...) уже теряют свою цельность, свою выдержанность, превращаясь в какие-то энциклопедические сборники» и что, прежняя журнальная монополия, «публицистика должна мало-помалу сделаться достоянием газет»¹³. В развитие этой мысли О.Д.Голубева заметила, что в прямую конкуренцию с толстыми журналами вступили и альманахи: «Если в XIX веке “толстый” журнал представлял своеобразную общественно-политическую энциклопедию и вполне удовлетворял читателя, то теперь он был уже не в состоянии отразить быстрые темпы общественно-политической жизни. Руководящая роль в формировании общественного мнения переходит к газете. Поэтому читатели стали интересоваться в “толстых” журналах главным образом литературными отделами. Это и вызвало появление на книжном рынке альманахов, которые как бы заменяли литературную часть журнала. Другая причина нового расцвета альманахов объясняется издательскими и цензурными условиями. Цензура относилась более терпимо к такому виду изданий, как альманах, нежели к периодической печати, а сама организация издания была проще сравнительно с организацией издания журнала»¹⁴. Продолжая мысль О.Д.Голубевой, добавлю, что, доминирующая политически и идейно, русская левая интеллигенция цензурными условиями была лишена возможности так же доминировать и на газетно-журнальном рынке. Не удивительно, что, отодвинутые в подполье, в научно-культурные организации, земства, именно левые стали главными двигателями традиции идейно-политических сборников - и стали в этой сфере практически абсолютными лидерами¹⁵.

Признаком осознания идеаторской и мобилизующей общественной роли сборников стало появление громких книг-манифестов 1890-х годов, совпавших с общественным оживлением после массового голода 1891—1892 гг. Они еще не были партийными, не были даже «направленными», но ясно обрисовывали границы леволиберальной оппозиции и описывали её литературный, исторический и политический горизонт. Пример этих книг отразил содержательную перемену в традиции альманахов и научных сборников, от которой отпочковывался новый устойчивый жанр сборника, генерирующего идейное направление. Речь идет о сборниках «Помощь голодающим: Научно-литературный сборник» (1892) и «Путь-дорога: Научно-литературный сборник в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам» (1893). В них велико количество «идейно-выдержанных» (и привлекательных для читателя) образцов литературно-художественного творчества: в переселенческом сборнике это стихотворения Вл.Соловьева, Д.Мережковского, В.Гаршина, проза Н.Лескова, Д.Мамина-Сибиряка, Н.Гарина, Л.Толстого, рисунки И.Репина, И.Крамского, Н.Касаткина, Н.Ге, А.Архипова, В.Поленова. Насыщен произведениями (тех же авторов) и сборник в пользу голодающих. Но главное отличие между ними — в научной части: место случайных статей И.Янжула, Э.Гартмана, В.Гольцева, М.Ковалевского, Е.Соловьева в «Путь-дороге» — в «Помощи голодающим» занимают иные, вполне пропагандистские либерально-социалистические статьи М.Ковалевского «Какими мерами итальянские республики боролись с голодом и нуждою», В.Гольцева «Благотворительность и предусмотрительность», В.Соловьева «Личная нравственность и общее дело», публикации переписки социалистических вождей Белинского, Герцена, Огарева. Здесь, словно в фокусе, выступает главное «задание»

¹¹ По форме это было типичное книжное приложение, направлявшееся издателями подписчикам газеты или журнала в конце года в качестве «премии». Но по сути - вместо беллетристики или иного душеполезного чтения С.Ф.Шарапов издал политический манифест, собрав в нем тексты, прежде изъятые цензурой из «Русского Дела».

¹² [40, с. 360].

¹³ [41].

¹⁴ [2, с. 6].

¹⁵ Из всех «идейных» сборников лишь крайне незначительная часть придерживалась правой ориентации: «Москва» (1902), «Заря» (1902), «Великая Россия» (1910-1911). Объяснение этому явлению, видимо, следует искать и в преобладающей левой ориентации интеллигенции как основной аудитории сборников, и недостаточной обеспеченностью ее органами периодической печати, направлявшими ее энергию в смежные области.

«идейного» сборника — дать читателю не только литературное или научное описание жизни, но исторический, публицистический или философский образец её преобразования, некоторое мирозерцание и практическую философию.

Публицистически-экономическим, свободным от литературной части и уже абсолютно партийным манифестом стали составленные П.Струве марксистские «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (1895): они не дошли до широкого читателя, но зафиксировали достигнутый уровень развития жанра. Описание общественной действительности здесь прямо подменялось «правильным» (марксистским) методом ее описания. Это стало прецедентом для многих будущих проектов, заключающих в себе одновременно и партийно-философское исповедание, и указания к дальнейшему развитию доктрины, и набор канонических текстов (здесь — «Капитала»). Жанр «идейного» сборника и подразумевал выполнение ряда содержательных требований: он должен был быть максимально целен с точки зрения общественно-политического единства авторского коллектива, должен был включать в себя некоторый минимум общетеоретических текстов избранного идейного направления, сопровождаемых примерами приложения теории к разнообразной общественной практике. Немаловажным условием оставалось и объявление посредством сборника статусных «писателей» направления, закрепления за ним тех имен, по которым читатель в дальнейшем (встречая их в числе сотрудников газет или журналов) мог безошибочно определять политическую принадлежность издания.

Имея своей задачей конституирование общественного направления, но формально, по названию и структуре изложения выступая еще в жанре научного экономического сборника, «Материалы» прямо продемонстрировали убеждение своих марксистских авторов в том, что основа их общественного мирозерцания лежит в сфере экономической теории. Близость «идейного» сборника к научным его аналогам, с одной стороны, актуализировала скрытый общественно-философский смысл многих подцензурных научных штудий, а с другой — остро давала почувствовать грань, отделяющую привычные «вопросы» академической науки от «вопросов жизни», даже если школы и направления мысли организовывались в «мемориалы»¹⁶. Такой сборник выступал аналогом и конкурентом научно-философской части толстого журнала. О научном (втором) и рецензионном (последнем или третьем) отделах журнала современник писал: «Всякий опытный журнальный читатель знает, что духа и направления журнала следует искать в последних его отделах»¹⁷. Поэтому не удивительно, что эти отделы, в борьбе с цензурой, нередко мимикрировали под периодический или непериодический сборник, зачастую перерастали в него. И в этом случае под «научными» оболочками выступали программные, начальные для идейно-политических направлений книги, претендовавшие на изложение целостного взгляда на главные «вопросы». Итальянский марксист А.Грамши, действовавший в близких к российским историко-политическим условиям, анализируя перспективы пропагандистского журнала, приходил к выводу, что его идейные задачи требуют развития в сторону «Ежегодника», в описании автора полностью повторявшего характеристики русских «идейных» сборников: «Тип журнала *Политика-Критика* сразу же требует (...) наличия такого состава редакторов, которые бы достигли между собой определенной степени культурной однородности... Такой тип журнала можно заменить (или предварить) публикацией «Ежегодника». Этот «Ежегодник» (...) не должен представлять собой отдельно взятый сборник статей, которые из-за большого объема не могут быть помещены в другом типе журналов: он мыслится как подготовленный органично, в соответствии с общим планом, с тем, чтобы стать как бы заделом на будущее в проведении определенной программы журнала. Его можно было бы посвятить одной теме, либо разбить на разделы и рассмотреть последовательный ряд основополагающих вопросов»¹⁸.

Современник борьбы сборника и журнала (когда журнал уступал свою идейно-направленческую функцию в принципиальных вопросах сборнику, а в текущих — газете) так описывал традиционную специфику последнего: «Русский журнал, в силу наших историко-социальных условий, вынужден исполнять универсальную роль: он в одно и то же время представляет из себя и кафедру университета, и зал собрания, он вынужден давать не только знание, но и сообщать импульсы»¹⁹. Точно так же, но более свободно от цензуры и обязательств перед простой читательской массой, «идейный сборник» давал сторонникам соответствующего общественного направления образец идейной **цельности** и мировоззренческой **универсальности**. Описывая практику 1890-х годов, Троцкий вспоминал: «Журналы наши были лабораториями, в которых вырабатывались идейные течения; отсюда они получали свое общественное движение. (...) Журнал, в своем многообразии и в своем единстве, был наиболее приспособленным орудием для идейного сцепления интеллигенции, — своей «цельностью», которая шла от литературно-публицистической критики через все его отделы — роман, эзоповскую сатиру, естественнонаучную популяризацию, рецензии и лирику, — журнал возмещал интеллигенции не достававшие ей объективные, в самой общественности заложенные скрепы. (...) Журнал замещал собою для интеллигенции программу действия, политическую литературу и политическую организацию. (...) Старый журнал — в рамках своего идейного направления — был еще и периодической

¹⁶ См. сборники, демонстрирующие не столько академическое, сколько идейное или общественное единство их авторов: «Сборник по общественно-юридическим наукам» (1899), «Проблемы идеализма» (1902), «Философский сборник. Л.М.Лопатину» (1912), «Г.И.Челпанову» (1916) «Сборник статей, посвященных П.Б.Струве» (1925). Примечательно заявление автора одного из таких «научных» сборников: «Вопросы мирозерцания почти никогда не интересовали нас *сами* по себе: в большей или меньшей степени они всегда подчинялись у нас вопросу о жизненном пути» ([42, с. 1]).

¹⁷ [35, с. 247].

¹⁸ [43, с. 480].

¹⁹ [44, с. 322].

энциклопедией. Необходимость в ней вызывалась бедностью, «объективной и субъективной», нашей идейной культуры — малой образованностью даже интеллигентского слоя, бедностью нашей ученой литературы, недостаточностью специальных журналов, научных популяризаций, библиотек, общедоступных лекций и пр. и пр. Журнал давал по необходимости не только «точку зрения», метод оценки, но и все содержание мирозерцания»²⁰. В начале 1900-х все эти универсальные функции толстых журналов переходили к сборникам, а прежние безыдейные слабости сборников — к журналам. Именно об этом «обмене» писал очевидец процесса: «Где тот тип журнала — руководителя общественного мнения, где разрабатывались бы важнейшие вопросы жизни, мнения которого вызывали бы горячие восторги одних, негодование других? Нет теперь для таких журналов писателей, как нет и читателей. (...) Новый, излюбленный тип журнала это — сборник статей, по возможности разнообразного содержания и бесцветной тенденции, способный по таким своим свойствам угодить и вашим, и нашим»²¹.

Новую роль «руководителей общественного мнения», перешедшую к сборникам, зафиксировала мемуаристка: «Для напряженной умственной жизни конца XIX и начала XX века, которая кипела на верхах русской интеллигенции, очень показателен большой успех толстых сборников на самые отвлеченные темы. Несмотря на их внушительный объем и нередко очень тяжеловесное изложение, эти сборники быстро раскупались и внимательно читались. Для их изучения устраивались кружки. Вокруг них возникали свирепые споры»²². Некоторая традиция, действительно, уже обрисовалась²³, но мемуаристка, конечно, имела в виду знаменитые «Проблемы идеализма» (1902), родившиеся как единое идейное произведение, политической задачей которого было формирование широкого либерального-социалистического движения на основе философского идеализма. Широкое движение не родилось, но важно, что в течение трех лет после этой книги идейное творчество авторов «Проблем идеализма» и участников «идеалистического направления» (П.Б.Струве, С.Н.Булгакова, Н.А.Бердяева, С.Л.Франка, П.И.Новгородцева) и его критиков было неизменно ориентировано на факт и содержание сборника (своеобразной субтрадицией стало продолжение серии сборников в «Вехах» и «Из глубины»²⁴). Откликом на «Проблемы идеализма» стал и собственный философский проект ортодоксальных марксистов и социал-демократов во главе с А.А.Богдановым — «Очерки реалистического мировоззрения» (1904)²⁵, также породивший целую субтрадицию марксистских сборников²⁶. К громкой общественной практике «Проблем идеализма» явно апеллировали и либеральные сборники, посвященные пропаганде конституционного правопорядка²⁷, и манифесты христианско-социалистического направления²⁸.

Можно считать, что с появлением «Проблем идеализма» жанр сборников-манифестов сложился окончательно и вытеснил толстые журналы с позиций идейного лидерства. Интеллектуальная мода иной раз даже заставляла традиционные литературные сборники принимать вид «идейных»²⁹. Но было бы преувеличением предполагать, что новый жанр, выросший на пересечении толстых журналов и литературно-художественных альманахов, оторвался от других частей идейной инфраструктуры: финансовые и цензурные условия по-прежнему вынуждали идеологов и партийных деятелей диверсифицировать свои издательские проекты, держа сборники на значительном расстоянии от текущей публицистической практики — либо в качестве оперативной подмены для закрываемых властями журналов, либо в качестве *ultima ratio* в партийной

²⁰ [45, с. 300-303, 306].

²¹ [46, с. 278].

²² [47, с. 276-277].

²³ Речь идет о сборниках, представлявших левую часть политической оппозиции: народнический «На славном посту» (1900), политически-благотворительный «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая» (1901) и социал-демократический «Литературное Дело» (1902). Название последнего Н.К.Михайловский комментировал в рамках старого народнического понимания «дела» как криптонима «революции»: уподобляя «дело» практическое и «дело» литературное. Впрочем, в самой форме сборников он не увидел ничего принципиально нового: «Появление литературных сборников, не имеющих каких-нибудь благотворительных или коммеморативных целей, свидетельствует о том, что наличные так называемые толстые журналы не вмещают в себе известных групп писателей, которые поэтому вынуждены объединяться в иной форме» ([48, с. 97]). См. также еще один социалистический сборник, составители которого сочли необходимым подчеркнуть его «публицистический» характер: К правде. Литературно-публицистический сборник. М., 1904 (в него, однако, вошли лишь две статьи принципиального содержания: М.Мандельштам «Этические идеалы Ницше», А.Дживелегов «Социальная наука и социальная философия»).

²⁴ Отчасти к ней следует отнести и так называемые «Книжки Освобождения» («Освобождение», 1903—1904).

²⁵ Об этой и других попытках марксистов «положительно» ответить на «Проблемы идеализма» с помощью альтернативных сборников см.: [49, с. 232].

²⁶ «Литературный распад» (1908), «Очерки по философии марксизма» (1908), «На очереди» (1908), «О веяниях времени» (1908), «Очерки философии коллективизма» (1909), «На рубеже» (1909), «Вершины» (1909), «Из истории новейшей русской литературы» (1910), «Философский сборник» (1910).

²⁷ «В защиту слова» (1905), «Конституционное государство» (1906), «Правовое государство и всенародное голосование» (1906).

²⁸ «Свободная совесть» (1906), «Вопросы религии» (1906-1908), «Взыскующим Града» (1906—1907), «Le Tsar et la Revolution» (1907), «Религия и Жизнь» (1908).

²⁹ См., например, подчеркнуто «идейно-террористический», но на поверку лишь эксплуатирующий тему в благотворительных целях, сугубо литературно-художественный сборник «В борьбе» (1906). В него, в частности, были включены перепечатки из повременной печати: М.Горький «О сером», фрагмент «Так говорил Заратустра» Ф.Ницше, В.Брюсов «Каменщик», стихотворения В.Фигнер, И.Каляева. Составитель (Е.Н.Чириков?) так объяснил замысел издания: «Настоящий сборник является слабой попыткой отразить те колеблющиеся настроения, которые создались под влиянием текущих событий, полных неожиданностей, кровавых ужасов, невероятных насилий над личностью русского гражданина. Первоначальная наша задача заключалась в бессистемном подборе наиболее интересного материала» ([50, С. 3]). См. также литературный «непериодический сборник» «Зарицы. Сборник беллетристики, стихотворений, художественной критики, философских, социальных, политических, экономических и общественных статей» (№1. СПб., 1908; № 2. СПб., 1909) с участием А.И.Куприна, И.А.Бунина, В.Г.Тана, Д.Н.Овсянко-Куликовского, А.Г.Горнфельда, А.В.Карташева, И.И.Петрункевича, Ф.Ф.Кокошкина.

пропаганде. Это последнее обстоятельство и позволило жанру не раствориться, сохраниться в его наиболее содержательных образцах, утверждая, наряду с уже признанными, новую форму идейно-политической коммуникации³⁰. Неожиданным образом растущая внутренняя жесткость жанра проявилась в (реализованной лишь в малой степени) серии религиозно-философских сборников издательства «Путь»³¹, для которого солидарность авторов и «партийная» сбалансированность редакционных предисловий превратилась в особую и важную задачу³².

Идейная целостность воспринималась уже как неотъемлемая черта жанра и потребовала, например, от Г.И.Чулкова, составлявшего серию сборников партийно не вполне консолидированных «мистических анархистов», специальных разъяснений. «Мы не стремились в подборе материала к полному единогласию, — вынужден был объясниться Чулков в предисловии к «идейному» выпуску серии. — “Факелы” не представляют единого и цельного направления. Но некоторый идейный путь уже намечается нами...»³³. Много лет спустя, издавая сборники под жестким политическим контролем большевиков, оппозиционные советской власти интеллигенты — из цензурных соображений — старались усыпить бдительность хорошо знающих политический смысл традиции большевиков и утверждали, что участники, например, сборника «О Смене Вех» — представляют отнюдь не идейную группу, но лишь себя лично и некую «независимую русскую публицистическую мысль»³⁴. А авторы сборника «Освальд Шпенглер и Закат Европы» заявляли, что (в полную противоположность традиции) объединены «не общностью мирозерцания», а лишь «сознанием значительности самой темы о духовной культуре и ее современном кризисе»³⁵.

Короткий период политических свобод (весна 1917 — начало 1918), как это и следовало предположить, повлиял на практику сборников в сторону их большей партийной определенности и понижения «идейного» уровня. Социалисты в полной мере использовали пропагандистские возможности сборников, но лишь неонародникам удалось придать им систематический характер³⁶, пока сама небольшевистская политическая печать не была запрещена. Первое время и большевики отдавали дань старой идейной традиции, специально для интеллигенции формулируя новые идеологические задачи в книгах-манифестах³⁷, но вскоре нужда в этом, избыточном для репрессивной пропаганды, инструменте отпала. Изолированные попытки несоборской идейной активности на территории Советской России быстро сошли на нет³⁸, чему особенно способствовала высылка основного авторского состава за границу.

Беспрецедентного расцвета практика составления сборников-манифестов, сборников-деклараций идейных и политических направлений достигла в среде русской эмиграции. Причиной тому, очевидно, послужили высокая концентрация интеллигентных сил, свобода печати, в условиях которой действовала русская эмиграция, и сами катастрофические события, стимулировавшие идейное творчество, вынужденное сосредотачиваться не столько на партийном, сколько на идейном строительстве.

В 1923 с «Проспектом» создания сборника «Межа» в эмиграции выступил известный правый деятель А.В.Карташев³⁹. Он исчерпывающе описывал внутреннюю мотивацию тех, кто сознательно строил в русской мысли **сборники как «индустрию идей»**:

«Создалась традиция в русской общественности и литературе, чтобы все крупные переломные идейные моменты отмечались выходом характерных сборников. Помните: началось «Проблемами идеализма» и кончилось... «Сменой Вех». Последнее явление криминального порядка, но по ответственности переживаемого момента и его нельзя обойти гордым молчанием. Порабощенная петербургская интеллигенция уже нашла в себе силы и возможность издать контр-сборничек «О Смене Вех...»⁴⁰.

В эмиграции (и это отчасти описано Карташевым) особенно интенсивными были усилия составителей политически-пропагандистских⁴¹ и религиозно-философских⁴² изданий. Самым успешным и длительным проектом стала серия евразийских сборников⁴³. При этом единая нумерация, введенная евразийцами для своих

³⁰ «Газета, толстый журнал, сборник, речь, комнатный разговор — все пахло веховщиной», — писал Троцкий в 1912 году ([45, с. 258-259]).

³¹ «О Владимире Соловьеве» (1911), «О религии Льва Толстого» (1912).

³² Об этом: [17, с. 148-155, 185-193].

³³ [51, с. 1].

³⁴ [52, с. 5].

³⁵ [53, с. 3].

³⁶ «Революционная Россия» (1918), три выпуска «Народовластия» (1918), «Большевики у власти» (1918).

³⁷ «Интеллигенция и Советская Власть» (1919), «Интеллигенция и революция» (1922), «На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией» (1923).

³⁸ Вот ее образцы: «О Смене Вех» (1922), «Освальд Шпенглер и Закат Европы» (1922), «Парфенон» (1922), инфраструктурно тесно связанные с независимой подсоветской периодикой этого периода («Вестник литературы», «Летопись Дома литераторов», «Литературные записки», «Утренники»). См. также «Пути реализма» (1926).

³⁹ О проекте сборника «Межа» см.: [22, с. 144-156].

⁴⁰ [54, л. 26-31].

⁴¹ «Скорбь земли родной» (1920), «Родная земля» (1920—1921), «Русские Сборники» (1920—1921), «Смена Вех» (1921), «В единении сила» (1922), «Царство Антихриста» (1922), «Россия и евреи» (1923), «Русская культура» (1925), «Благовест» (1925), «Проблемы революции» (1926), «Памяти кн. Гр. Н.Трубецкого» (1930).

⁴² «Православие и культура» (1923), «София» (1923), «Проблемы русского религиозного сознания» (1924), «Христианство перед современной социальной действительностью» (1932), «Христианское воссоединение» (1933), «Переселение душ» (1935), «Живое предание» (1937), «Свет истинный» (1938), «Православное дело» (1939).

⁴³ «Исход к Востоку» (1921), «На путях» (1922), «Россия и латинство» (1923), «Евразийские временники» (1923—1927), «Тридцатые годы» (1931) и др.

изданий, касалась лишь некоторых сборников, что стало немой признанием уже сложившихся стандартов, отличающих сборники «направления» от тематических или событийных собраний. В прямой связи с историческими обстоятельствами, 1930-е годы стали периодом «выветривания» из традиции её целостного содержания — собрания приобретают все более ситуативный характер. Незначительная активизация традиции в связи с гитлеровскими и советскими пропагандистскими проектами в среде русской эмиграции⁴⁴ уже не могла изменить общей исчерпанности формы — и особая, «идейная» традиция умерла, вернувшись к практике прикладных и тематических собраний.

Впоследствии, под влиянием «Вех» и обнаруженных и переизданных за границей «Из глубины», А.И.Солженицын составил в Москве и издал в Париже сборник «Из-под глыб» (1974). В своем предисловии составитель прямо апеллировал к нововывявленному образу традиции: «Из той темноты и сырости, из-под глыб, мы и трогаем теперь первыми слабыми всходами... не минут нам самим взволочить на себя и вынести из глубин ожидаемое так жадно»⁴⁵. Традиция возобновилась, хоть и но традиции этот проект возобновить уже не мог: жесткие цензурно-политические условия не позволяли сборнику «легализоваться» в массовом чтении и периодической печати, тотальная подавленность оппозиционной мысли вела к ситуативному, принудительному (на принципах отрицательной консолидации) объединению идейно не солидарных авторов.

1. Колеров М.А. Индустрия идей. Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники. 1887—1947 / С приложением: А.В.Карташев. Проспект сборника «Межа» (1923). М., 2000. 130 с.
2. [Голубева О.Д.] Литературно-художественные альманахи и сборники. Библиографический указатель. Т. 1: 1900—1911 годы. М., 1957. 483 с.
3. [Рогожин Н.П.] Литературно-художественные альманахи и сборники. Библиографический указатель. Т. 2: 1912—1917 годы. М., 1958. 528 с.; Т. 3: 1918—1927 годы. М., 1960. 494 с.
4. Богомолов Н.А. Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников. 1900—1937. Т. 1. М., 1994. 621 с.
5. Журналы «Вестник литературы» (1919—1922), «Летопись Дома литераторов» (1921—1922), «Литературные записки» (1922). [Приложение: «Пушкин. Достоевский», «Петербургский сборник», «Утренники...»] Аннотированный указатель / Отв. редактор А.Ю.Галушкин. М., 1996. 303 с.
6. Тарасова А.А. Сборники «Земля» // Русская литература и журналистика начала XX века: 1905—1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 48-64.
7. Келдыш В.А. Альманахи издательства «Шиповник» // Русская литература и журналистика начала XX века: 1905—1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 257-294.
8. Вильданова Р.И., Кудрявцев В.Б., Лаппо-Данилевский К.Ю. Перечень изданий русского зарубежья [Альманахи и сборники] // Глеб Струве. Русская литература в изгнании. Изд. 3, испр. и доп. Париж; М., 1996. 448 с.
9. Полная библиография русского издания международного ежегодника по философии культуры «Логос» // Логос. 1991. № 1. С. 186-190.
10. [Дополнение] // Логос. 1991. № 2. С. 185.
11. Безродный М.В. Из истории русского неокантианства (журнал «Логос» и его редакторы) // Лица. Биографический альманах. 1. М.; СПб., 1992. С. 372-407.
12. Колеров М.А. Философский журнал «Мысль» (1922) // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 179-183.
13. [Дмитриев Т., Чубаров И.]. Библиографии // Логос. 1996. № 7. С. 203-204, 204-211.
14. Литература о евреях на русском языке, 1890—1947. Библиографический указатель / Сост. В.Е.Кельнер, Д.А.Эльясевич. СПб., 1995. 679 с.
15. [Ольга Фигурнова]. Русская печать в Эстонии. 1918—1940. Био-библиографические и справочные материалы к изучению культурной жизни русской эмиграции. М., 1998. 462 с.
16. Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917—1996 гг.) / Сост. А.И.Бардеева, Э.А.Брянкина, В.П.Шумова. М., 1999. 464 с.
17. Голлербах Е. К незримому граду. Религиозно-философская группа «Путь» (1910—1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 1999 (Исследования по истории русской мысли. [Т. 3]). 524 с.
18. Колеров М. Книги «веховской традиции» // Знание — сила. 1990. № 9. С. 46-47.
19. Апокриф Н. Гр. Л.Н.Толстой и вопросы жизни // Заря. Русско-славянский сборник. Вып. I. М., 1902. С. 1-42.
20. Колеров М.А. Архивная история сборника «Проблемы идеализма» (1902) // Вопросы философии. 1993. № 4. С. 157-165.
21. Колеров М.А. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех»: 1902—1909. СПб., 1996. 373 с.
22. Колеров М.А. «Новые Вехи»: к истории «веховской» мифологии (1918—1944) // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 144-156.
23. Колеров М.А. Сборник «Проблемы идеализма» [1902]: история и контекст. М., 2002. 224 с.
24. Колеров М.А. «Русская жизнь» (1922—1923). Роспись содержания // Исследования по истории русской мысли [5]. Ежегодник за 2001 / 2002 годы. М., 2002. С. 765-767.
25. Колеров М.А. Русские «идейные» сборники: дополнения, 1888—1938 // Исследования по истории русской мысли [5]. Ежегодник за 2001 / 2002 годы. М., 2002. С. 768-784.
26. Колеров М.А. Русские «идейные» сборники: дополнения, 1930—1936 // Исследования по истории русской мысли [6]. Ежегодник за 2003 год. М., 2004. С. 815-816.
27. Колеров М.А. Русские «идейные» сборники: дополнения, 1904—1934 // Исследования по истории русской мысли [12]: Ежегодник за 2015 год. М., 2016. С. 321-331.
28. Колеров М.А. Сборник «Из глубины» (1918): осознание диктатуры. Новые данные // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2018. № 1. С. 28-40.
29. Колеров М.А. Николай Бердяев. Памяти А.П. Чехова (1904) // Тетради по консерватизму: Альманах. 2018. № 2. С. 301-315.
30. Абрамов А. Духовно-академическая философия // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 170-172.
31. Серков А.И. История русского масонства. 1845—1945. СПб., 1997. 400 с.
32. Эткинд А. Хлыст. Секты, литература и революция. М., 1998. 688 с.

⁴⁴ Два выпуска «Новых Вех» (1944—1945), «Россия и эмиграция» (1947).

⁴⁵ [44, с. 5]. Сравнение сборников «Вехи», «Из глубины» и «Из-под глыб» см.: [55, с. 160-171].

33. Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы. М., 1999. 560 с.
34. Степанов Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30—90-е годы XIX века. М.; Л., 1965. 565 с.
35. Николаев П.Ф. Вопросы жизни в современной литературе. М., 1902. 552 с.
36. Крემнев Б. Вопросы жизни и «Правда» // Новый Путь. СПб., 1904. Кн. 7. С. 237-243.
37. С.Я.Надсон. Сборник журнальных и газетных статей, посвященных памяти поэта. СПб., 1887.
38. Красный цветок. Литературный сборник в память В.М.Гаршина. СПб., 1889. 267 с.
39. Памяти В.М.Гаршина. Художественно-литературный сборник. СПб., 1889. 330 с.
40. Астафьев П.Е. К вопросу о свободе воли // О свободе воли. Опыт постановки и решения вопроса. Рефераты и статьи членов Психологического общества. М., 1889. С. 360.
41. Вольнский А.Л. «Книга великого гнева». Критические статьи. СПб., 1904. 524 с.
42. Евгений Трубецкой. Возвращение к философии // Философский сборник. Л.М.Лопатину к тридцатилетию научно-педагогической деятельности. [М., 1912]. С. 1-9.
43. Антонио Грамши. Тюремные тетради. Часть первая. М., 1991. С. 480.
44. Из-под глыб. Paris, 1974. С. 5.
45. Л.Троцкий. Литература и революция. М., 1991. 400 с.
46. В.В.<оронцов>. Печать и мирозерцание общества // Путь-дорога. СПб., 1893. С. 278.
47. Тыркова А.В. Воспоминания. М., 1998. С. 276-277.
48. [Н.К.Михайловский. Рец.:] Литературное дело. Сб. СПб., 1902 // Русское Богатство. 1902. № 5. II отд.
49. Волжский [А.С.Глинка]. Литературные отголоски. О реалистическом сборнике // Ежемесячный журнал для всех. 1904. № 4. Апрель. С. 232.
50. Ч<ириков?>. От составителя // В борьбе. Сборник. Выпуск 1. С рисунками и портретами В.Н.Фигнер, И.П.Каляева, Г.А.Гершуни и П.П.Шмидт [sic]. [СПб., 1906] [С. 3].
51. [Г.И.Чулков] От редакции // Факелы. Книга вторая. СПб., 1907.
52. От издательства // О Смене Вех. [СПб.], 1922.
53. [Я.М.Бухшпан]. Предисловие // Освальд Шпенглер и Закат Европы. М., 1922.
54. ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 153. Лл. 26-31. Машинопись с рукописной правкой А.В.Карташева.
55. Колеров М. Самоанализ интеллигенции как политическая философия. Наследство и наследники «Вех» // Новый мир. 1994. № 8. С. 159-171.

References

1. Kolerov M.A. *Industriya idey. Russkie obshchestvenno-politicheskie i religiozno-filosofskie sborniki* [Realm of ideas. Russian socio-political and religious-philosophical collections]. 1887—1947 / S prilozheniem: A.V.Kartashev. Prospekt sbornika «Mezha» (1923). Moscow, 2000. 130 p.
2. [Golubeva O.D.] *Literaturno-khudozhestvennye al'manakhi i sborniki. Bibliograficheskiy ukazatel'* [Literary and artistic almanacs and collections. References]. Vol. 1: 1900—1911 gody. Moscow, 1957. 483 p.
3. [Rogozhin N.P.] *Literaturno-khudozhestvennye al'manakhi i sborniki. Bibliograficheskiy ukazatel'* [Literary and artistic almanacs and collections. References]. Vol. 2: 1912—1917 gody. Moscow, 1958. 528 p.; Vol. 3: 1918—1927 gody. Moscow, 1960. 494 p.
4. Bogomolov N.A. *Materialy k bibliografii russkikh literaturno-khudozhestvennykh al'manakhov i sbornikov* [Materials to the bibliography of Russian literary and art almanacs and collections]. 1900—1937. Vol. 1. Moscow, 1994. 621 p.
5. Galushkin A.Yu., ed. *Zhurnaly "Vestnik literatury" (1919—1922), "Letopis' Doma literatorov" (1921—1922), "Literaturnye zapiski" (1922)*. [Prilozhenie: "Pushkin. Dostoevskiy", "Peterburgskiy sbornik", "Utrenniki"...] Annotirovannyi ukazatel'. Moscow, 1996. 303 p.
6. Tarasova A.A. *Sborniki "Zemlya" [Collections of papers Earth]. Russkaya literatura i zhurnalistika nachala XX veka: 1905—1917. Burzhuazno-liberal'nye i modernistskie izdaniya*. Moscow, 1984, pp. 48-64.
7. Keldysh V.A. *Al'manakhi izdatel'stva "Shipovnik" [Almanacs of the Publishing House Shipovnik]. Russkaya literatura i zhurnalistika nachala XX veka: 1905—1917. Burzhuazno-liberal'nye i modernistskie izdaniya*. Moscow, 1984, pp. 257-294.
8. Vil'danova R.I., Kudryavtsev V.B., Lappo-Danilevskiy K.Yu. *Perechen' izdaniy russkogo zarubezh'ya [Al'manakhi i sborniki]* [List of publications of the Russian diaspora [Almanacs and collections]]. Gleb Struve. *Russkaya literatura v izgnanii*. Izd. 3, ispr. i dop. Parizh; Moscow, 1996. 448 p.
9. *Polnaya bibliografiya russkogo izdaniya mezhdunarodnogo ezhegodnika po filosofii kul'tury "Logos"* [Full bibliography of the Russian edition of the international yearbook on the philosophy of culture Logos]. Logos, 1991, no. 1, pp. 186-190.
10. [Dopolnenie] [Supplement]. Logos, 1991, no. 2, p. 185.
11. Bezrodnyy M.V. *Из истории русского неокантианства (zhurnal "Logos" i ego redaktery)* [From the history of Russian neo-Kantianism (Logos magazine and its editors)]. Litsa. *Biograficheskiy al'manakh*. 1. Moscow; St. Petersburg, 1992, pp. 372-407.
12. Kolerov M.A. *Filosofskiy zhurnal "Mysl" (1922) [Philosophical journal Thought (1922)]. Voprosy filosofii, 1993, no. 5, pp. 179-183.*
13. [Dmitriev T., Chubarov I.]. *Bibliografii [Reference lists]*. Logos, 1996, no. 7, pp. 203-204, 204-211.
14. Kel'ner V.E., Ehl'yashevich D.A., comp. *Literatura o evreyakh na russkom yazyke, 1890—1947. Bibliograficheskiy ukazatel'* [Reference list]. St. Petersburg, 1995. 679 p.
15. [Ol'ga Figurnova]. *Russkaya pechat' v Ehstonii. 1918—1940. Bio-bibliograficheskie i spravochnye materialy k izucheniyu kul'turnoy zhizni russkoy ehmigratsii* [Russian press in Estonia. 1918-1940. Bibliographic and reference materials for the study of the cultural life of Russian emigration]. Moscow, 1998. 462 p.
16. Bardeeva A.I., Bryankina Eh.A., Shumova V.P. *Svodnyy katalog periodicheskikh i prodolzhayushchikhsya izdaniy Russkogo zarubezh'ya v bibliotekakh Moskvy (1917—1996 gg.)* [The union catalog of periodicals and continued editions of the Russian diaspora in the libraries of Moscow (1917-1996)]. Moscow, 1999. 464 p.
17. Gollerbakh E. *K nezrimomu gradu. Religiozno-filosofskaya gruppa "Put" (1910—1919) v poiskakh novoy russkoy identichnosti* [To the invisible city. The religious and philosophical group The Way (1910-1919) in search for a new Russian identity]. St. Petersburg, 1999 [Issledovaniya po istorii russkoy mysli. [Vol. 3]]. 524 p.
18. Kolerov M. *Knigi "vekhovskoy traditsii" [Books of Vekhi tradition]. Znanie — sila, 1990, no. 9, pp. 46-47.*
19. Apokrif N. Gr. L.N.Tolstoy i voprosy zhizni [Tolstoy and questions of life]. Zarya. *Russko-slavyanskiy sbornik*, iss. I. Moscow, 1902, pp. 1-42.
20. Kolerov M.A. *Arkhivnaya istoriya sbornika "Problemy idealizma" (1902) [Archival history of the collection Problems of Idealism (1902)]. Voprosy filosofii, 1993, no. 4, pp. 157-165.*
21. Kolerov M.A. *Ne mir, no mech. Russkaya religiozno-filosofskaya pechat' ot "Problem idealizma" do "Vekh": 1902—1909* [Not the world, but the sword. Russian religious and philosophical press from Problems of Idealism to Vekhi]. St. Petersburg, 1996. 373 p.
22. Kolerov M.A. *"Novye Vekhi": k istorii "vekhovskoy" mifologii (1918—1944) [New Vekhi: the history of Vekhi's mythology (1918-1944)]. Voprosy filosofii, 1995, no. 8, pp. 144-156.*
23. Kolerov M.A. *Sbornik "Problemy idealizma" [1902]: istoriya i kontekst [Collection Problems of idealism [1902]: history and context]. Moscow, 2002. 224 p.*

24. Kolerov M.A. "Russkaya zhizn'" (1922—1923). Rospis' soderzhaniya [Russian life (1922-1923). The list of content]. Issledovaniya po istorii russkoy mysli [5]. Ezhegodnik za 2001 / 2002 gody. Moscow, 2002, pp. 765-767.
25. Kolerov M.A. Russkie "ideynye" sborniki: dopolneniya, 1888—1938 [Russian 'conceptual' collections: supplements, 1888—1938]. Issledovaniya po istorii russkoy mysli [5]. Ezhegodnik za 2001 / 2002 gody. Moscow, 2002, pp. 768-784.
26. Kolerov M.A. Russkie "ideynye" sborniki: dopolneniya, 1930—1936 [Russian 'conceptual' collections: supplements, 1930—1936]. Issledovaniya po istorii russkoy mysli [6]. Ezhegodnik za 2003 god. Moscow, 2004, pp. 815-816.
27. Kolerov M.A. Russkie "ideynye" sborniki: dopolneniya, 1904—1934 [Russian 'conceptual' collections: supplements, 1904—1934]. Issledovaniya po istorii russkoy mysli [12]. Ezhegodnik za 2015 god. Moscow, 2016, pp. 321-331.
28. Kolerov M.A. Sbornik "Iz glubiny" (1918): osoznanie diktatury. Novye dannye [Collection From the depth (1918): awareness of the dictatorship. New data]. Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeyskiy dialog, 2018, no. 1, pp. 28-40.
29. Kolerov M.A. Nikolay Berdyaev. Pamyati A.P. Chekhova (1904) [Nikolay Berdyaev. In memory of A.P. Chekhov (1904)]. Tetradi po konservatizmu: Al'manakh, 2018, no. 2, pp. 301-315.
30. Abramov A. Dukhovno-akademicheskaya filosofiya [Spiritual and academic philosophy]. Russkaya filosofiya. Malyy ehntsiklopedicheskiy slovar'. Moscow, 1995, pp. 170-172.
31. Serkov A.I. Istoriya russkogo masonstva. 1845—1945 [History of Russian Freemasonry]. St. Petersburg, 1997. 400 p.
32. Ehtkind A. Khlyst. Sekty, literatura i revolyutsiya [Khlyst. Sects, literature and revolution]. Moscow, 1998. 688 p.
33. Bogomolov N.A. Russkaya literatura nachala XX veka i okkul'tizm. Issledovaniya i materialy [Russian literature of the early 20th century and the occultism. Research and materials]. Moscow, 1999. 560 p.
34. Stepanov Yu.S. Razvitiye slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka v 30—90-e gody XIX veka [Evolution of vocabulary of the Russian literary language in the 30-90s of the 19th century.]. Moscow; Leningrad, 1965. 565 p.
35. Nikolaev P.F. Voprosy zhizni v sovremennoy literature [Questions of life in modern literature]. Moscow, 1902. 552 p.
36. Kremnev B. Voprosy zhizni i "Pravda" [Questions of life and The Pravda]. Novyy Put'. St. Petersburg, 1904. Kn. 7, pp. 237-243.
37. S.Ya.Nadson. Sbornik zhurnal'nykh i gazetnykh statey, posvyashchennykh pamyati poeha [S.Ya.Nadson. Collection of journal and newspaper articles dedicated to the memory of the poet]. St. Petersburg, 1887.
38. Krasnyy tsvetok. Literaturnyy sbornik v pamyat' V.M.Garshina [Red flower. Literary collection in memory of V.M. Garshin]. St. Petersburg, 1889. 267 p.
39. Pamyati V.M.Garshina. Khudozhestvenno-literaturnyy sbornik [In memory of V.M. Garshin. Artistic and literary collection]. St. Petersburg, 1889. 330 p.
40. Astaf'ev P.E. K voprosu o svobode voli [On free will]. O svobode voli. Opyty postanovki i resheniya voprosa. Referaty i stat'i chlenov Psikhologicheskogo obshchestva. Moscow, 1889, p. 360.
41. Volynskiy A.L. "Kniga velikogo gneva". Kriticheskie stat'i [The Book of Great Wrath. Critical articles.]. St. Petersburg, 1904. 524 p.
42. Evgeniy Trubetskoy. Vozvrashchenie k filosofii [Return to philosophy]. Filosofskiy sbornik. L.M.Lopatinu k tridsatiletiyu nauchno-pedagogicheskoy deyatel'nosti. [Moscow, 1912], pp. 1-9.
43. Antonio Gramsci. The prison notebook. Volume one. Columbia University Press, 1992. 608 p. (Rus. edition: A. Gramshi. Tyuremnye tetradi. Chast' pervaya. Moscow, 1991, p. 480).
44. Iz-pod glyb [Out from under the rock]. Paris, 1974, p. 5.
45. L.Trotsky. Literatura i revolyutsiya [Literature and revolution]. Moscow, 1991. 400 p.
46. V.V<orontsov>. Pechat' i mirosozertsanie obshchestva [Publishing activity and outlook on society]. Put'-doroga. St. Petersburg, 1893, p. 278.
47. Tyrkova A.V. Vospominaniya [Memories]. Moscow, 1998, pp. 276-277.
48. [N.K.Mikhaylovskiy. Retz.:] Literaturnoe delo. Sb. St. Petersburg, 1902 [[N.K. Mikhaylovsky. Retz. :.] Literary work. St. Petersburg, 1902]. Russkoe Bogatstvo, 1902, no. 5, II otd.
49. Volzhskiy [A.S.Glinka]. Literaturnye otgoloski. O realisticheskoy sbornike [Literary echoes. On the realistic collection]. Ezhemesyachnyy zhurnal dlya vsekh, 1904, no. 4, Aprel', p. 232.
50. Ch<irikov?>. Ot sostavitelya [Ch<irikov?>. From the compiler]. V bor'be. Sbornik. Vypusk 1. S risunkami i portretami V.N.Figner, I.P.Kalyaeva, G.A.Gershuni i P.P.Shmidt [sic]. [St. Petersburg, 1906], [p. 3].
51. [G.I.Chulkov] Ot redaktsii [Editorial note]. Fakely. Kniga vtoraya. St. Petersburg, 1907.
52. Ot izdatel'stva [Publisher note]. O Smene Vekh. [St. Petersburg], 1922.
53. [Ya.M.Bukshpan]. Predislovie [[Y.M.Bukshpan]. Foreword]. Osva'd Shpengler i Zakat Evropy. Moscow, 1922.
54. GA RF. F. 5912. Op. 1. D. 153. Ll. 26-31. Mashinopis' s rukopisnoy pravkoy A.V.Kartasheva.
55. Kolerov M. Samoanaliz intelligentsii kak politicheskaya filosofiya. Nasledstvo i nasledniki "Vekh" [Self-analysis of intelligentsia as a political philosophy. Legacy and heirs of Vekhi]. Novyy mir. 1994. № 8, pp. 159-171.

Kolerov M.A. Russian "conceptual collections" as a tradition: to the genres of political and social thought in XIX—XX centuries. The article investigates the Russian literary tradition of 'conceptional collections' on the example of the famous "Problemy idealizma" (1902), "Vekhi" (1909), "De profundis" (1918). The definitions of the core concepts are given, limits of genre are identified, the institutional nature of this form of political activity in Russia is considered.

Keywords: "conceptual collections", political struggle in the USSR and in emigration, political and ideological trends in Russian political movement in XIX—XX centuries.

Сведения об авторе. Модест Алексеевич Колеров — кандидат исторических наук, профессор кафедры информационной политики Высшей школы экономики. Главный редактор информационного агентства REGNUM (Москва); kolerovm@gmail.com.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 30.12.2018. Принята к публикации 01.03.2019.